Глубокоуважаемому Дмитрию Иосифовичу
Гулиа с приветом от автора
9/IX-49 г.

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის მოამბე, ტ. VII, № 6, 1946
СООБЩЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР, Т. VII, № 6, 1946
BULLETIN of the ACADEMY of SCIENCES of the GEORGIAN SSR, V. VII, No 6, 1946

ЯЗЫКОВЕДЕНИЕ

М. Я. НЕМИРОВСКИЙ

АРТИКЛЬ В ГОРСКИХ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

1. „Определенный артикль“ в абхазском и убыхском языках. В этюде „О языке убыхов“, написанном в 1861 г., Услар отметил, что „в убыхском языке, подобно как и в абхазском, слова большею частью принимают впереди себя букву а-, которая исчезает всего чаще при других приставочных и, повидимому, не имеет особого значения, а ставится или отбрасывается согласно звуковым законам языка, которые пока еще неизвестны“ ([1], отд. II, стр. 85; разрядка моя. М. Н.).

Однако, уже через год, опубликовывая свой труд „Абхазский язык“, Услар исправил свою ошибку и отверг свое предположение о эвфоническом характере „буквы“ а-, которой теперь приписал обобщающее значение ([1], стр. 16, § 6).

Спустя шестьдесят шесть лет другой кавказовед, А. Дирр, почти буквально повторил высказывания Услара ([2], стр. 39).

В другом своем труде „Язык убыхов“ Дирр несколько иначе и, пожалуй, удачнее сформулировал свое высказывание по указанному вопросу. „Фразовая форма (Satzform) слова—говорит Дирр [2]—есть форма, которую принимает слово, снабженное показателями (Deuter), например, деиктическим а-, или прономинальными, форма, в которой слово, следовательно, стоит в предложении. Словарная форма (Wörterbuchform) слова „мать“, например, есть nan, откуда sinna—„моя мать“, unna—„твоя мать“, yanna—„его мать“, с деиктическим а-—anna—„die Mutter“ (разрядка моя. М. Н). Эти примеры делают более ясным и различие между словарной и фразовой формами. Деиктическое а- является не только перед отдельными словами, но также и перед целой группой“... [3].

Поэтому Дирр приходит к выводу, что префигируемое а- является не только простым, но и фразовым артиклем (Satzartikel). „Убыхский и абхазский языки—говорит другой исследователь, Дюмезиль—для выражения определенного пользуются префиксом а-, который можно без большого неудобства назвать определенным артиклем (article défini)“ ([4], стр. 31).

В другой работе Дюмезиля „Язык убыхов“ мы читаем: „Нет никакого неудобства называть „определенным артиклем“ деиктическое а- (deiktisches а-), которое ставится перед существительными и придает им определенное значение: а-сӓ точно есть „la maison“.

Следует только отметить, что этот артикль имеет гораздо более широкие функции, чем тот, который разумеем во французском под этим термином, а также, что он может возглавлять не только одно слово, но и группу слов (сложное слово в буквальном смысле или синтаксическую группу)“... ([5], стр. 13).

Наконец, третий и новейший исследователь, Месарош, которому принадлежит капитальная монография „Убыхский язык“, под заголовком „Артикль“ пишет в своем труде следующее: „Каждое существительное во всех случаях, или иногда целая группа слов, может быть определено указательным прономинальным элементом а-... Без прономинального элемента а- слово неопределенно (ist indeterminiert)“ [6].

Таким образом, в обоих языках—абхазском и убыхском существует префикс а-, который выполняет функцию определенного артикля, каким обладают многие западноевропейские (например, французский, итальянский, английский, немецкий) языки, а также и другие языки мира (напр. индонезийские).

Абхазско-убыхский префиксальный элемент а- трактуют как определенный артикль все ученые, которым приходилось касаться указанных языков.

2. Определенный артикль в адыгейских языках (в нижне-адыгейском, или кяхском, и в верхне-адыгейском, или кабардинском яз.). В адыгейском (в кяхском) языке, на подобие таких европейских языков, как английский, немецкий, французский, итальянский и др., существуют определенная и неопределенная формы имени. Определенная форма, соответствующая западно-европейским формам с определенным артиклем или членом, имеет суффиксы -р и -м, которые являются одновременно и показателями определенности имени и падежными окончаниями: -р—прямого (пассивного) падежа, -м—косвенного (активного) падежа, напр., унэ-р—„дом“, „комната“, дахэ-р—„красивый“, унэ-м, дахэ-м...

Неопределенная форма имени, соответствующая в западно-европейских языках формам с непределенным артиклем, не имеет указанных суффиксов, напр. унэ, дахе ([7], стр. 382).

Точно так же в кабардинском языке существуют: определенное склонение, характеризуемое суффиксами -р и -м, и неопределенное, без этих суффиксов; напр. уына-р—„дом, комната“, даха-р—„красивый“, уына-м, да ха-м—формы прямого и косвенного (пассивного и активного) падежей определенного склонения и уына—даха в тех же падежах неопределенного склонения ([8], стр. 129). С притяжательными префиксами адыгейские существительные в единственном числе не прини-

ЛМИГ
КП-271
Р-872

мают суффиксов -р и -м, т. е. не могут иметь определенной формы, напр., с-къо „мой сын“, п-шы „твой брат“, и-мэл „его овца“, си-шы „моя лошадь“ и т. п.

Наоборот, при наличии указательных префиксов мы-, мо-, а- имена всегда получают в адыгейском языке определенную форму, напр., мы кlалэр „этот мальчик“, мы мэлы-р „эта овца“, мы-шы-р „эта лошадь“; мо кlалэ-р, мо мэлы-р, мо шы-р-, а кlалэ-р, а мэлы-р, а шы-р—в трех вариантах в зависимости от степени удаления (1. близкий и видимый предмет; 2. далекий, но видимый; 3. невидимый) ([7], стр. 289).

В кабардинском языке и притяжательные префиксы употребляются с именами в определенной форме ([8], стр. 130). В обоих языках определенные формы на -р имеют и местоимения указательные в самостоятельном употреблении (мы-р, мо-р, а-р ([7], стр. 289—291; [8], стр. 72, 130), даже личные, сэ-р, тэ-р, о-р, шъо-р „я сам, мы сами, ты сам, вы сами“ в адыгейском ([7], стр. 287—288).

3. Неопределенный артикль в абхазско-адыгейской группе языков. Все языки указанной группы могут выражать неопределенность: 1) прежде всего отсутствием определенного артикля, 2) особым неопределенным артиклем, в качестве которого, как и в европейских языках, употребляется числительное „один“, абхазское -к(ə), убыхское za, zä, черкесское zi, zi (зы в русской графике).

Примеры из абхазского языка жа-к „заяц“ (а-жа с определенным артиклем), па-к „сын“ (а- па с определенным артиклем), напv'-к „рука“ (а-напv' с определенным артиклем) и др. ([1], стр. 77 и сл.; [16], стр. 98-99; 141). Из убыхского: za bəž „один старик“, za cedə „один осел“, za t^c i t^c „один человек“ ([3], стр. 17—18, 9; [5], стр. 15; [4], стр. 37—38.)

Точно так же черкесско-кабардинский язык пользуется числительными zi (и его фонетическими вариантами) для выражения неопределенности ([4], стр. 37—38).

Происхождение артикля в горских кавказских языках. Прономинальное происхождение определенного артикля твердо установлено лингвистикой на материале не только индоевропейских языков, но и ряда других языков мира ([9], стр. 74—77). В горских кавказских языках этот факт также находит полное подтверждение. Абхазско-убыхский артикль а-, как прономинальная указательная основа легко открывается прежде всего в пределах абхазско-адыгейской группы северокавказских языков. Так, в абхазском языке существуют следующие местоимения: а-бри „этот“, „он“ а-бни „тот“; а—притяжательное местоимение 3-го лица единственного числа пассивного („неразумного“) класса; а- показатель 3-го лица единственного числа пассивного класса в формах глагола ([1], стр. 71, 72, 73, 46, 118), в убыхском а-nä „тот“ а-γwa „он“, „сам“ ([4], стр. 33—34, 109—111); в черкесском [4], абадзехском: а-:

a-ri, a-r, „тот“ (ср. a-dərə „другой“); в кабардинском (h) a-r (h) -a-bi „тот“ [4, 8, 6].

Распространение указательного местоименного элемента a- выходит, однако, далеко за пределы указанной языковой области. В различных местоименных образованиях этот указательный элемент, чередуясь чаще всего с ha, реже с o, встречается и в целом ряде дагестанских языков. Так, в аваро-андо-дидойской группе a- образует в соединении с классными показателями указательные местоимения типа авар. a-w, a-y, a-b, a-l „этот“: в виде h a (или его вариантов) в ботлихском, годоберинском, ахвахском, тиндальском. В лезгинской группе можно указать наряду с кюринскими a- („тот“) a- в различных указательных местоимениях: a-ta, a-t'a, a-γa и т. д. [2].

Если a- является в виде префикса, то другой указательный прономинальный элемент r суффигируется, но также служит средством выражения определенности, „определенным артиклем“.

В личных и указательных местоимениях черкесско-кабардинского языка мы встречали его в виде -r (в русском графике—р), в предикатной форме -ri (в русском графике—ры), в указательной форме имен, в определенной форме именного склонения в виде -r (-р). Совершенно очевидно, что этот самый -r обнаруживается в суффиксе -r a, -ri в абхазских личных местоимениях sa-ra „я“, w a - r a „ты“ (мужчина), ba-ra (женшина) и т. д. и в указательных a-ri, a-b-ri „этот“, u-b-ri „тот“. Прономинальное происхождение „определенного артикля“, черкесско-кабардинского -r также несомненно, как и абхазско-убыхского a-.

Замечательную параллель в этом отношении представляет баскский язык ([10], стр. 44, 48—49, 51—52; [11], стр. 15; [12], стр. 15).

Для именного склонения баскского языка весьма характерно наличие в образовании падежных форм суффигируемых элементов, присоединяемых к корню или вставляемых между корнем и падежными окончаниями. В ряде падежей единственного числа таким вставочным элементом является -ar, например, в дательном падеже g i z o n-a r-i „человеку“ родительном g i z o n-a r-e n и т. п., в именительном падеже и некоторых других -a, например, g i z o n- a, именительный падеж, „человек“. Этот суффигируемый элемент функционирует в баскском языке как постпозитивный определенный артикль, так что, например, форма g i z o n-a соответствует французскому l'homme, немецкому der Mensch, румынскому omul, (древне-грузинскому kaci igi) и т. д.

Если существительное сопровождается прилагательным определением, то артикль этот суффигируется к последнему, например, ur garbi „чистая вода“ (буквально „вода чистая“) с артиклем получает форму ur garbi-a (французск. l'eau pure), родительный падеж ur garbi-ar-en, дательный падеж ur garbi-ar-i и т. д., причем этот артикль определяет все сочетание.

Сопоставляя этот суффикс -а (r) с баскской прономинальной основой (h)ar (ср. кабардин. (h)ar), можно легко сделать вывод об их тождестве,—предположение, которое выдвинул еще голландский ученый Ван-Эйс шестьдесят пять лет тому назад ([13], стр. XXXV). В конце слова (в абсолютном конце и перед конечным согласным окончания, например, в активном падеже) r выпало ([10], стр. 51—52).

Наконец, суффикс черкесско-кабардинского определенного склонения, появляющийся в косвенном падеже единственного числа м и множественного числа „м-э“, очевидно, представляет собой тоже прономинальный указательный элемент, который мы встречаем в черкесско-кабардинских указательных „местоимениях-корнях“ „мы“, „этот“ и „мо“ (*мэ -у) „вот тот“ ([7], стр. 391).

5. Заключительные замечания. Изучение артикля в кавказских языках имеет не только узкое, специальное значение для характеристики строя этих языков, но и общее, касающееся генезиса того семантико-грамматического явления, которое именуется артиклем.

Если прономинальная природа т. н. определенного артикля установлена еще в древнегреческой грамматике (Аполлоний Дасколок), если мы можем во многих языках наблюдать становление артикля ([9], стр. 76; [14], стр. 306—309) по письменным памятникам, то история артикля в допись-менный период, иначе говоря, его „доистория“ остается пока еще темной. Однако, некоторый свет на этот „доисторический“ путь развития артикля, на его древнейшие этапы, могут пролить языки архаических систем ([9], стр. 76; [15], стр. 68—84; [16], стр. 83—90).

Рассмотренная нами абхазско-адыгейская группа кавказских языков как раз принадлежит к числу особенно архаических. Можно предположить, что в языках архаических систем „артикль“ представляет собой продолжение и переосмысление т. н. классных показателей ([9], стр. 76—77). Повидимому, эта мысль составила основу и высказывания Услара о происхождении абхазского прономинального элемента а-, который Услар возводил к „характеристике 3-го лица единственного числа предмета неодушевленного“, иначе воворя, к показателю класса пассивного („неразумного“).

Резюме

В горских (хавказских) языках артикль, на подобие западно-европейских языков, наличен лишь в абхазско-адыгейской группе. Первым обратил внимание на убыхско-абхазский црефикс а- Услар, который сначала усмотрел в нем лишь эвфонический гласный, но вскоре изменил свое мнение, приписав этому гласному обобщающее значение. Этому показателю отвлеченности Услар противопоставил другой суффигируемый эле-

мент -к, выражающий конкретность понятия. Дирр, Дюмезиль и Месарош раскрыли сущность префикса а-, как определенного артикля, и это мнение стало достоянием лингвистики.

2. Определенный артикль существует также в адыгейском (в черкесско-кабардинском) языке той же группы, но в виде суффикса -г, который является в то же время и падежным окончанием прямого (пассивного) падежа так называемой определенной формы склонения.

3. В языках абхазско-адыгейской группы существует также неопределенный артикль, в качестве которого функционирует, как это обычно бывает, числительное „один“ (абхазское -к (ə), убыхское za, zä, черкесско-кабардинское zi,—в русской графике—зы).

4. Прономинальное происхождение определенного артикля, функцию которого обычно выполняет какое-нибудь указательное (деиктическое) местоимение, находит полное подтверждение и на материале яфетическо-кавказских языков, а также „яфетического“ баскского языка, представляющего в этом отношении интереснейшую параллель к языкам абхазско-адыгейской группы.

5. Изучение артикля в кавказских (яфетических) языках важно не только для характеристики строя этих языков, но имеет и более общее значение, касающееся генезиса того семантико-грамматического явления, которое именуется артиклем.

Можно предположить, что в языках архаических систем артикль выработался из т. н. классных показателей. Повидимому, и Услар представлял себе так этот процесс, когда возводил абхазский прономинальный элемент а- к „характеристике 3-го лица единственного числа предмета неодушевленного“, иначе говоря, к показателю класса пассивного („неразумного“).

Академия Наук Грузинской ССР
Институт языка
имени акад. Н. Я. Марра
Тбилиси

(Поступило в редакцию 10.6.1946)

ЦИТИРОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. П. Услар. Абхазский язык. Тифлис, 1887.
2. A. Dirr. Einführung in das Studium der kaukasischen Sprachen. Leipzig, 1928.
3. A. Dirr. Die Sprache der Ubychen. Caucasica, fasc. 4, 5, 1927, 1928.
4. G. Dumézil. Études comparatives sur les langues caucasiennes du Nord-Ouest. Morphologie. Paris, 1932.
5. G. Dumézil. La langue des Oubykhs. Paris, 1931.
6. J. Meszaros. Die Pākhy-Sprache. Chicago, 1934.
7. Н. Яковлев и Д. Ашхамаф. Грамматика адыгейского литературного языка. Москва—Ленинград, 1941.

8. Н. Яковлев. Краткая грамматика кабардино-черкесского языка. В. I. Синтаксис и морфология, Ворошиловск, 1938.
9. М. Я. Немировский. Из истории глоттогонического (языкотворческого) процесса. Ученые записки Северо-Осетинского Гос. Пед. Института, т. III (XVI), гл. IV, Артикль в языках мира, Орджоникидзе, 1942.
10. H. Gavel. Grammaire basque. T. I, Bayonne, 1929.
11. В. Ф. Шишмарев. Очерки по истории языков Испании. Москва—Ленинград, 1941
12. C. C. Uhlenbeck. Over een mogelijke Verwantschap van het Baskisch met de Paleo-kaukasische Talen. Amsterdam, 1923.
13. W. J. van Eys. Dictionnaire basque-français, 1873.
14. И. И. Мещанинов. Члены предложения и части речи. Москва—Ленинград, 1945.
15. О. И. Москальская. Употребление артикля в древне-верхне-немецком. Уч. зап. I, Моск. Гос. Пед. Инст. иностр. яз., т. II, Москва, 1940.
16. О. И. Москальская. К вопросу о генезисе категории артикля. Труды Воен. Инст. иностр. языков, I, Москва, 1945.

Г. И. Грузинский музей
№
Абиблиотека